

Наринэ Абгарян

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ В ИЮЛЕ

Сборник рассказов и повестей о жизни настоящей

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Д25

Серия «Наринэ Абгарян представляет»
Серийное оформление: *Марина Акинина*
Иллюстрация на обложке: *Александр Заварин*
В оформлении макета использованы иллюстрации
Виктории Кирдий

Д25 **Девять дней в июле:** сборник рассказов /
сост. Наринэ Абгарян. — Москва: Издательство
АСТ, 2018. — 382, [1] с. — (Наринэ Абгарян
представляет).

ISBN 978-5-17-092162-1

«Девять дней в июле» — сборник лиричной, иро-
ничной, смешной и доброй прозы.

Главное, что объединяет вошедшие в него расска-
зы и повести — это неунывающий взгляд авторов на
жизнь. Даже в самых сложных, и, казалось бы, беспро-
светных ситуациях, есть выход. И пусть этот выход
находится на том конце приснопамятного тоннеля —
все равно стоит относиться к этому с юмором и пони-
манием. Просто потому, что так веселее жить.

Приятного вам чтения.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

Подписано в печать 07.08.2018. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Авторы, тексты, 2012
© Наринэ Абгарян, составление, 2012
© Виктория Кирдий, иллюстрация, 2012
© Александр Заварин, обложка, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2018

От составителя

Самое ценное, что есть в человеке, — это умение сострадать. Готовность протянуть руку, поддержать. Не тогда, когда можется или хочется, а всегда, когда нужно.

Редко кому дано такое умение. И чаще всего оно дано тем, кого в обычной жизни мы не замечаем. Например, тете Соне из соседнего подъезда — крупной, одышливой, раздражающе назойливой, с большими вытаращенными глазами за толстыми стеклами очков. Живет себе тетя Соня, сериалы смотрит, скандалит в собесе, выбивая себе путевку на конец ноября в паршивый санаторий, картошку в магазине поштучно покупает. А потом оказывается, что она всю свою долгую пенсионерскую жизнь отчисляла деньги в благотворительный фонд — на лечение больных детей. С каждой пенсии — пятьсот рублей. Пятнадцать килограммов картошки. Месячный рацион одной семьи.

Таких утаенных ангелов в нашей жизни много. Но мы, к сожалению, не умеем их разглядеть. По занятости, по безразличию, за каждодневной суетой. А они рядом, буквально здесь, только руку протяни.

Перед вами — книга о тех, кто не перестал верить в чудеса. Кто умеет утешить и обнять. Рассмешить, когда тебе горько и одиноко. И тихо уйти, убедившись, что все у тебя хорошо.

И даже если мы о них сразу же забываем, они не обижаются. Ну и ладно, ну и пусть.

Это не хорошо и не плохо, это жизнь.

Наринэ Абгарян



Лариса Бау

История жизни, смерти и воскресения кота Мотоцикла.

Измышления

Из пыльного амбарного окна под потолком пробивался вечерний свет, золотил дощатый пол. В церковной тишине сумерничали двое: Кузьмич, еще нестарый, но уже бессмертно пьяный колхозник, и кот. Кота звали Мотоцикл, он был большой, трезвый, достойный работник. Каждый день к вечеру он стаскивал в кучку задушенных за смену амбарных мышей — хвалиться Кузьмичу.

— Ай да Мотоцикл, смотри, какого мыша удавил — царь, а не мышь! — Кузьмич раскачивал за хвост мышиный трупик. Кидал обратно в кучку, вытягивал другого. — И этот хорош, жирный, нажратый, думал, вечно так будешь? Ан нет, нашел тебя Мотоцикл и хрясь зубками-то, не уйдешь, поганец,

колхозное добро клевать, — внушал он окоченевшей тушке с перекусанной головой.

— Ну, Мотоцикл, ты даешь, мышók к мышкú, двадцать шесть штук сегодня. Медаль тебе на грудь дать. Эх, не ценит родина, это потому, что ты, Мотоцикл, беспартийный. А так уж орденов было бы — на подушку к похоронам!

Горка мышей была большая, Кузьмич уставал, повторялся, постепенно переходил от мышей к своей вечной душевной боли — жена Клава не любила его, колотила, не пускала на печь...

— Я уж и ласку забыл, забыл бабью ласку, вот я тебя глажу, а она меня — нет, — жаловался он коту. Кот не перебивал, не вертелся, слушал с почтением. Знал, что кончится все рыбешкой, да и сметанки стерва-Клава не забудет в блюдечко налить.

Кот недолюбливал Клаву, она не церемонилась с ним, шугала, брезгливо скидывала мышей совком, морщась и стараясь не смотреть. Коту было обидно, но что делать? Сметанку получал от нее.

Эх, доля наша, сокрушался кот, вкальываешь тут ночь напролет, а благодарности никакой. Действительно, дрянь баба!

Кот Мотоцикл, сам уже отец кучи неведомых детей, родился семь лет назад в семье тракториста Феди.

Он родился летом, под сараем, Фебина жена Лида нашла котят и понесла топить в бочке. А Мотоцикл не хотел топиться, пищал отчаянно, барахтался.

— Да ладно, живи уж, шустряка, — вынула его Лида, обтерла об фартук и понесла домой.

Кошка выла, запертая в предбаннике, Лида сунула котенка ей — на, несчастная, да что с тобой делать, несешь их, шалава, как цыплят.

Кошка кинулась лизать котенка, мурлыкать ему...

— Ой, Лидка, чо это у тебе котенок в избе гуляет? — Клава зашла на минутку, да сидела уже второй час. Лида вынесла самогонки, бубликов, посыпала сахаром творог, свежую заварку плеснула в чайник. Сидели, чаевничали, полоскали мужиков. Непутевые были оба, но Клавин Кузьмич был хуже, Федя хоть рукастый, да и пил меньше. И дочку свою в город отправили. Клава пристроила котенка в поделе.

— Да возьми к себе, он уж не сосунок... рыбешку ест.

Так и оказался котенок у Кузьмича с Клавой.

— Мотоцикл — так и назову его, Мотоцикл! — торжественно объявил Кузьмич. — Вот не даешь мне ездить, так хоть кота назову.

— Да куда тебе кататься-то? Не тверезый ты, да второй год не починаешь мотоциклу свою...

Мотоцикл оказался смышленным котом. Пристроил его Кузьмич к амбару ловить мышей. Кот старался, был ловкий, молодой, горячий, мышам спуску не давал. Работал быстро, оставалось время и на солнышке полежать, и по кошкам поблудить...

Только Клава разлюбила кота. Всех разлюбила, а все Кузьмич, не пил бы, и коту бы ласки доставалось. Эх, жизнь...

Вечерело, к избе Кузьмича шагал зоотехник Степан, зампредела.

Клава засуетилась: что это он?

Степан презирал Кузьмича как пьющего и беспартийного.

— Кузьмич, меня Сам к тебе прислал. Вот что, Кузьмич, знаешь, это... ну сам знаешь, у Мотоцикла

успехи какие. Тут мы на партийном собрании решили это... ну, в помощь пролетариям его послать.

— Да ты чо, Степан, несешь?

— Кузьмич, ты не перечь, партия решила послать — значит, собирай кота, с ним поедешь.

— Чо? Кудать поеду? В раен?

— Бери выше, в Африку поедешь, к эфиопам. Там кризис сельскохозяйственный. У них крысы невидимо, задыхаются товарищи. А Мотоцикл пусть опытом обменяется. Но прививки сделают, и тебе, и коту. У них там зараза африканская, слыхал, муха цеце? Как укусит, так все спать ложатся и спят. А Мотоциклу твоему как же спать? Ему надо честь нашу колхозную защитить. Показать африканцам, как мы с мышами справляемся на пути к коммунизму.

— Так мож, у них мышá не такие? Заразные, подхватит чо-нить Мотя мой, не, не пущу, — Клава встала стеной. — Не пущу кота, и не уговаривай, и не наливай.

— Клава, сознание у тебе есть, или что? Родина зовет! На мировую арену кота твоего вызывают. Гордись! Вся страна смотрит. Гляди у мене, Клава, председатель рассердится.

— Ну рассердится, что он мне, Гитлер, что ль? Сказала, не дам кота! Он у мене домашний.

— Клав, — подал голос Кузьмич, — ну ты сознательность ставь на кон! Я же куплю там чего, и коту тоже, и тебе...

— Да что ты купишь там, эфиопы же, их вон мыши заели, что у них есть, купит он!

— Ну, насос куплю новый, — нерешительно загибал пальцы Кузьмич, — сервиз чайный...

— Не дам кота за насос губить! Сам, Степа, езжай. Мышей ловить!

Кот слушал в сомнениях. Интересно было бы мир посмотреть. И боязно. Вот если бы в Париж...

Иногда кота мучила совесть. Природа, как бог, — не поперешь против нее. Конечно, как мыша почует — сразу что-то внезапно устремляет его, когти сами взметнутся, вонзятся, даже и моргнуть не успеешь. Но смотреть мышам в глаза он опасался. Бывало ведь, промахнется, удар неверный, не смертный. И бьется мышь, и ужас у ней в глазах... Не любил этого Мотоцикл. Отводил взор, перекусывал шею милосердно. Но потом в пасти стоял этот теплый мышачий ужас, неприятно было коту, маетно. Такое случалось редко. Он, конечно, профессионал, ас своего дела.

Киллер — уважительно говорило про него младшее поколение.

Но с возрастом он стал плохо спать. Особенно после мышат. А ведь кто-нить с моими детьми так же... Хуже еще, в охапку — и топить... барахтаются, мячат... Он отгонял сонливые тревожные мысли. Ну а что делать? Ну что еще делать коту? Для чего он на свет родился? Говорят, городские коты не ловят, сидят на подоконниках, жизнь просиживают. Хотел бы он так? Невинно, безгрешно? Консерву из банки есть, не заработав?

— Горек мой хлеб, горек! — жалился кот Кузьмичу.

— А ты на исповедь сходи к отцу Варфоломею, — посоветовал Кузьмич. — Мне вона, когда припирает, Клавки стыжусь, что вот пьяный, и образование не получил, иду к Варфоломею. Он и послушает, и пожурит, и выпьет с тобой облегчительною.

В воскресенье кот отправился к попу.

— Батюшка, тяжело мне, душно, — начал кот смущенно.

— Отвори душу, Мотоцикл, покаяйся.

— Палач я, батюшка, палач мышиный. А они ведь тоже твари Божьи, не для того ведь их Господь жизнью наградил, чтоб я им шею перекусывал? Кесарево дело, а мне Божьего хочется... — ныл кот.

— Ну смотри, Мотоцикл, как Священное Писание учит. Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься. Ты сейчас, Мотоцикл, воитель. Как святой Георгий, у него дракон, а у тебя — мыши. И грех воинства — светлый грех, ты, Мотоцикл, — человечеству защитник.

— Господь — Он милосердный, грехи отпустит, — мямлил Варфоломей.

«И что это он несет, — думал кот. — Действительно, уж лучше мыши, чем дракон...»

— Степанида, — крикнул попадью Варфоломей, — поднеси-ка коту сметанки, да и меня не забудь, сама знаешь, что...

Надо почаще на исповедь ходить, как на душе-то полегчало, думал кот, облизываясь и урча.

Кот Мотоцикл любил послеобеденное время. Кузьмич был еще на ногах, ждал Клаву на ужин... Собирались обычно часам к пяти, пес Шарик оповещал: мол, давайте, Кузьмич сидит... Шарик чувствовал Кузьмича, когда тот был в расположении к беседе.

Последним подхрамывал гусь Еропка. Еропка был набожный человек. Вечером благодарил Бога, что не зажарили, с утра молил, чтоб не пообедали им.

«Вот Еропка, образованный, поговорить — одно удовольствие, а тоже Клава не любит его. Иной раз

тапком поддаст, а гусь пожилой, — думал кот, — жизнь у него как у мыша, крепостной, одно слово».

— Да что ты, Еропка, беспокоишься, кто ж тебя зажарит? Ты вона старый, жилистый, тебя раскусить-то некому, я зубы пропил, да и Клава уже не зубастая. Кто ж тебя съест, сам подумай? Волков нету, Шарик вон, твой друг навеки.... — Шарик кивал, подвигался, освобождал гусю солнечное место...

— Поживи с мое, — не унимался гусь, — будешь тут беспокоиться. Кузьмич, скажи ему. Ты же главный тут. Как бывает в жизни, скажи.

— Да какой он главный, — возмутился Шарик, — тут Клава царица. От ее милости зависим...

Никак не получалось перейти к приятному.

Кот старался: а я вот кино смотрел, как в Париже по крышам гуляли...

— Ой, Париж, как же, вот там-то гусей и едят, — злорадствовал Еропка.

— Ты чой-то не в духе седни, сходил бы с Мотоциклом к отцу Варфоломею, — Кузьмич заметно пьянел, чекушка под скамейкой пустела.

— Да не дойду я, ноги уже не те, — опечалился Еропка.

Шарик подал идею:

— Кузьмич, снеси гуся к заутрене, сделай милость.

— Ха, — заржал Кузьмич. — Приду, значитца, с гусем под мышкой. Что попадья подумает? Что гуся дарю? тут же и зажарит, она-то зубастая...

Гусь заплакал.

Кот возмутился: права Клава, невыносимый ты стал, Кузьмич! Грубый, нечувствительный. Допился, как животное какое.

— Да ладно, прости уж, Еропка, действительно, ляпну иной раз, — смутился Кузьмич.

Не простили, замолчали. Кот вздохнул, мол, ну, я пошел работать.

— Пойдем, Еропка. — Шарик не предал друга. — А ты сиди, Кузьмич, дожидайся Клавы, щас тебе и от нее достанется тычка....

«Как у них устроено, у людей, — думал кот по дороге к амбару, — Кузьмич вот добрый, а дурак, прости господи, а Клава стервозная, а мудрая... эх, у них на бабах вся жизнь держится...»

Иногда Мотоцикл думал о наследниках. Кошки у него были с чужих дворов, Клава им тут не давала расслаживаться. «Топить буду ублюдков, не смей тут!» — кричала коту. Кот и не видел детей, где-то бегают, кто живой остался. Вот диким котам лучше живется, семьями, на природе... Вспоминая своих кошек, он не мог на какой-то остановиться: вот с этой бы жизнь коротал... были они, как человеческие бабы, недовольные, сварливые. А чего гундеть-то? Мотоцикл не пил, работающий, спокойный кот... испорченные деревенские эти. Вот бы с городской он бы жил, или вот видел одну в телевизоре: ушки с кисточками. Рыся! Иностранка!

— Да, как же, посмотрела бы она на колхозника, — язвил Шарик, — еще о парижских мечтай.

— Неее, парижанских нам не надо, гуляющие хуже наших, — не советовал Кузьмич, — нам надо бабу строгую, а то совсем скопытишься.

— Ты по себе не равняй, мы непьющие. Вон, у Шарика сын приходит, любо-дорого посмотреть, с уважением, сначала у калитки потопчет, спросит, как у отца настроение, потом заходит вежливо. А у

тебя, Кузьмич, сын с дружками наезжает, тоже пьяный, матери бублика не принесет, вон ворота сбил с петель... И спасибо, что живой, младший-то вспомни, как с девками на тракторе катался, утоп в болоте и девок спьяну угробил...

Гусь Еропка был бездетный, смотрел на гусятку из-за забора, умилялся, но своих не заводил: все равно на яичницу изведут или закормят-зарезут...

— У людей надо дочек иметь, — уверенно рассуждал Шарик, — Клава тоже так думает.

Клава была неплакучая баба, но иногда заходила: не дал мне Бог дочек, козлы эти в тебя, Кузьмич, порчено семя. Некому будет и стакан воды в немощи подать, и глаза мои закрыть, когда умру! — Клава рыдала громко, долго, раскачиваясь на лавке в темной избе. «Ага, понимаешь, каково без детей-то», почти злорадно думал кот. Но потом жалость брала верх, становилось жаль себя, ее, котят, мышат, да и всех, и вообще. Кот подходил, терся об ноги.

— Мотя, понимаешь меня, жалеешь, пойдем, сметанки дам, душа моя. — Клава утирала слезы, вздыхала и через минуту уже снова была готова жить дальше.

Клава напряглась. Странные, захлебывающиеся звуки неслись из амбара.

Сунула ноги в чеботы, выскочила на двор.

— Вань, где ты? — позвала Кузьмича.

У амбара сидел, раскачиваясь, Кузьмич, на руках у него был кот, лапы безжизненно свисали.

— Задавило, доской задавило, — рыдал Кузьмич. — Дорогой мой, единая душа... Бог меня так не любил, как Мотоцикл мой. Уйди, Клава, не поймешь ты...

Клава схватилась в избу, вытащила припрятку самогона.

— Ой, господи, убивается-то как, а я уж думала, душу пропил, без чувствиев живет, — причитала Клава. — На, глотни, полегчает.

— Не полегчает, — взвыл Кузьмич, но послушно глотнул.

— Как задавило-то? — трясла его Клава. — Ирод, не чинил сарайку, вот кота свово любимава угробил, вертепно отродье. — Сердце колотилось у ней, она стукнула Кузьмича по спине.

Давясь слезами, Клава ушла в дом. Свет зажигать не стала, так и сидела в темноте. Похожее горе было у нее, когда провожала своего Кузьмича в армию, плакала, как по убитому. Но вот пришел домой, женился, как обещал, а теперь вот кота жалко...

Стукнула калитка, вошел Кузьмич с гусем под мышкой. Бережно опустил Еропку на землю.

— Похоронили, у ручья, там, в лесочке...

— А Шарик где?

— У холмика остался, плачет он, хочет еще с котом побыть.

Клава пошла за Шариком: постою с ним.

Вечером достали стаканы.

— Ну, земля ему пухом! Раб Божий Мотоцикл представился, — выпалил Кузьмич и беззвучно заплакал.

Фофаний, ангеленьш на побегушках, собирал мелкие случайные души. Запыхался, остановился передохнуть у брата. Иона, старшой, распределитель человеческих душ, привечал Фофания, учил мастерству.

— Ну, что у тебя в корзинке, улов какой сегодня?

— Да немного, вот кота душа, доской прибило, пара заячьих, на охоте пристрелили, да ежика — на дороге раздавленный. А у тебя что? Рваные какие-то, страшные все.

— Афганские, шарахнуло их там сегодня.

— «Титаник прям», — Фофаний начитанный был, любил щегольнуть знаниями. — Ну я полетел.

Душа кота Мотоцикла боязливо выглядывала из корзинки вниз, в облаках мелькала родная деревня, колхоз, двор, Шарик с Еропкой. Кузьмича с Клавой не видно было, небось в избе поминают, думала котячья душа.

Наконец прибыли. Выдали коту порядковый номерок. Ангел строгий попался.

— Имя?

— Мотоцикл, котом был, колхозным. (Не хотел профессию сказать, мало ли.)

— Вижу, мышелов? — строго спросил ангел, приготовил амбарную книгу, уж и номер поставил.

Как у счетовода нашего, подумала котячья душа и заробела.

— Мышелов, да, погиб при исполнении. Но в церковь регулярно ходил, причащался, — вспомнил кот попадьеву сметанку.

— Да не пугайся так, для зверей ада нету, подневольные они, колхозные особливо. Как городской, жить будешь теперь, на всем готовом. По вторникам Сам нашу богадельну посещает, увидишь Господа нашего...

Кот кинул последний взгляд вниз: до встречи, увидимся еще, погуляем на лужайках...

Душа его вздохнула и проскользнула в приоткрытые ворота...